

ПАРТИЙНАЯ РЕФОРМА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ

Г.М. Михалева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Бременский университет*

Аннотация: Москва — столица с обилием ресурсов, концентрацией капиталов и элиты, повышенной активностью горожан, поэтому выборы здесь имеют тестовый характер для всей страны. Существенную роль играют глубокие социальные расколы и районная неоднородность. Кроме того, любые выборы в Москве связаны с федеральной повесткой. По жёсткости электорального авторитаризма Москва опережает многие регионы страны, для обеспечения нужного результата власти используют широкий спектр различных ресурсов. Несмотря на предшествующие выборам в Мосгордуму в 2014 году массовые протесты, власти удалось обеспечить необходимый результат, не прибегая к фальсификациям: ни один представитель непарламентской оппозиции мандата не получил.

Ключевые слова: Москва, выборы, неоднородность, административный ресурс, мэр, Московская городская дума, массовые протесты, политическая машина, избирательная кампания, явка, известный результат.

Российские регионы, несмотря на начавшуюся в 2000-х гг. унитаризацию, все еще неоднородны, в том числе и в том, что касается состояния их избирательных и партийных систем. Даже при схожем институциональном дизайне на составе участников, ходе и результатах выборов отражаются социально-экономические характеристики, этнический состав, особенности взаимодействия ведущих акторов, уровень политической конкуренции и активности общественных групп.

Данный раздел посвящен анализу избирательных кампаний и развития партийных систем в различных субъектах Федерации. Регионы не отбирались специально, но даже случайный их набор подтверждают справедливость концепций «четырёх России» [Зубаревич 2010] и «России регионов» [Гельман, Бри 2000].

Для каждого случая (региона) приводятся характеристики социально-экономической и политической ситуации, дается краткий обзор истории выборов и формирования партий. Основное внимание при этом уделено ходу и результатам последних федеральных и региональных кампаний; рассмотрены также итоги муниципальных выборов и выборов глав региона (если таковые имели место).

В результате получилась достаточно пестрая картина: регионы с высоким уровнем конкуренции и протестного голосования, но желательными для власти результатами (Москва, Астраханская область) соседствуют с субъектами Федерации, в которых оппозиционные силы добиваются значительных успехов (Иркутская и Свердловская области), равно как и с теми, где выборы проводятся практически на безальтернативной основе (Башкортостан, Алтайский край). Уже это небольшое число примеров выявляет несинхронность региональных политических процессов и показывает, что федеральному центру, вопреки всем усилиям, не удастся причесать всех под одну гребенку. Потенциал политического разнообразия в регионах остается достаточно высоким.

Выборы в Москве: между полной управляемостью и возвратом к конкурентности

Москва — специфический субъект Федерации. Обилие сконцентрированных здесь финансовых потоков, высокий уровень жизни, большая, чем в других регионах, доля «рассерженных горожан» создают особые условия — в том числе для партий, чьи руководящие органы квартируют именно в столице. Выборы же в Москве во многом рассматриваются властями как тестовые и имеют широкий общественный резонанс.

Вместе с тем в Москве углубляются размежевания и обостряются любые конфликты: самый большой приток внутренних и внешних мигрантов, максимальный разрыв между богатыми и бедными, острые проблемы городской жизни (пробки, парковки, дорожное строительство, вырубка зеленых насаждений, уплотнительная застройка, а в последнее время еще и проблемы Новой Москвы) обуславливают высокий уровень протестной активности и голосования за оппозицию.

Предметом данного исследования являются изменения в партийном спектре Москвы по итогам последних избирательных кампаний.

Особенности социально-экономических и политических процессов в Москве

Агломерационный характер и выполнение столичных функций дают Москве, по определению Н. Зубаревич, «ренту столичного статуса». Крупный бизнес старается быть ближе к Кремлю, Белому дому и мэрии, чтобы лоббировать свои интересы. «Весь постсоветский период Москва сохраняла первое место по показателю коэффициента Джини – соотношения доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных жителей» [Зубаревич 2012: 6–8]. «Средний доход москвичей превышает среднероссийский в 2,2 раза, но при этом более трети жителей столицы (большой частью пенсионеры) получают поддержку из бюджета города» [Зубаревич 2013: 54].

Зависимые от бюджета граждане — врачи, учителя, коммунальные работники, чиновники, силовики — являются основой электоральной базы «московской политической машины» [Гельман, Бри 2000], «стабильной на протяжении многих лет» [Туровский 2006: 701].

При этом Москва (особенно сейчас, после присоединения новой территории) «весьма неоднородна и включает как высокоурбанизированные районы, так и сельскую местность» [Махрова, Нефедова, Трейвиш 2012: 19–32]. «Ячейки „городской сети“ отличаются по составу населения, стилю и образу жизни» [Рейвин, Терневецкая, Чубукова: 2014].

Территориальную неоднородность дополняет неоднородность социально-культурная, которая определяет политические пристрастия и электоральное поведение московского населения, состоящего из малодинамичного большинства с советскими стереотипами и мобиль-

ного меньшинства, ориентированного на западные стандарты. Кроме того, эти факторы влияют на локализацию протестного поведения.

Московский политический класс отличается непрозрачной многослойной структурой: Кремль, мэрия, руководство партий и несистемной оппозиции, влиятельные бизнес-игроки и т. д. Наличие единого, кремлевского, политического вектора не предохраняет от частых конфликтов, порождаемых несогласованностью действий разных управленческих этажей. Кроме того, Москва еще с лужковских времен привыкла получать карт-бланш при принятии конкретных решений, в том числе касающихся проведения выборов и определения «априори» их победителей.

Общегосударственную повестку дня определяют кроме всего прочего заявления и действия руководства различных партий, протестные акции (и суды над задержанными), имеющие широкий резонанс в СМИ.

Все это сочетается с сетью горизонтальных связей оппозиции и власти, формальными и неформальными контактами, наличием площадок для регулярных встреч представителей конкурирующих групп (редакции СМИ, посольства, конференции и пр.). В последнее время к числу коммуникационных площадок добавились также социальные сети, служащие важным источником информации (и дезинформации).

От «электорального авторитаризма» к фиктивным выборам

Российский режим, по словам В. Гельмана, представляет собой «„электоральный авторитаризм“, играющий по правилам, которые призваны обеспечить инкубенту победу для: а) эффективного контроля над аппаратом всех уровней и б) внутри- и внешнеполитической легитимизации» [Гельман 2012: 2]. Главными инструментами этого служат «президентализм, субнациональный авторитаризм и доминирующая партия» [Гельман 2012: 4].

Следует отметить, что по степени жесткости электорального авторитаризма столица существенно опережает свою страну. «Уже в 1993 г. были определены институциональные рамки, ограничивающие численность Мосгордумы 35 депутатами; административный ресурс с каждым избирательным циклом применялся все интенсивней; в отсутствие действенного контроля со стороны общественности это привело к формированию парламента с доминирующим большинством» [Любарева 2010]. В 1997 г. на выборах в МГД победил «список Лужкова», в 2001-м — список блока «Отечество — Вся Россия». («Помимо „партии власти“ и коммунистов в этих составах Мосгордумы было представлено и „Яблоко“, а в 2005 г. по списку партии, включавшего также представителей СПС, удалось провести трех депутатов» [Бузин 2014].)

Для достижения таких результатов мэрия применяла целый ряд ресурсов:

- законодательный — ужесточение требований к сбору подписей и проведению агитации, а также повышение барьера для партийных списков (в 2005 г. — до беспрецедентных 10 %), произвольная нарезка округов; назначение выборов на время, неудобное для активной агитации, и т. п. — чтобы отсесть значительную часть потенциальных участников выборов;

- административный — возможности всей исполнительной вертикали (мэрии, префектур, управ, бюджетных учреждений, коммунальных служб, избирательных комиссий всех уровней, правоохранительных органов) — с целью воспрепятствовать оппозиции проводить агитацию и затруднить работу наблюдателей;

- медийно-информационный — использование теле- и радиоканалов как в ходе избирательных кампаний, так и в промежутках между ними (именуемое освещением постоянной деятельности представителей власти); использование для рекламы провластных кандидатов

районных газет и досок объявлений домов, предприятий социальной сферы и торговли пр.; регулярные адресные обращения этих кандидатов к избирателям;

- фальсификационный — широкий спектр нарушений и подтасовок: от «круизного» голосования и голосования на дому до переписывания протоколов в УИКах и ТИКах.

В бытность Ю. Лужкова мэром столицы выборы градоначальника очень напоминали выборы президента в постельщинский период. В 1996 г. действующий глава города получил 87,5 % голосов, в 1999 г. — 69,89 %, в 2003 г. — 74,81 %.

Использование всего спектра указанных ресурсов достигло максимума на излете «лужковской эпохи» — на выборах в Мосгордуму 2009 г. «При этом, конечно, сказались эффекты ужесточения партийного и избирательного законодательства (число потенциальных участников выборов ограничивалось семью партиями), переноса выборов на октябрь (в результате основное время для агитации пришлось на лето) и нарезки одномандатных округов огромных размеров (это благоприятствовало кандидатам с большими административными либо финансовыми ресурсами)» [Кынев 2014: 672–683]. Из семи зарегистрированных партий в выборах участвовало только шесть: «Правое дело», преемник СПС, оказалось не в состоянии сформировать список из-за слабости и внутренних конфликтов. Список «Патриотов России» возглавил председатель партии Г. Семигин, КПРФ и «Яблока» — депутаты МГД Н. Губенко и С. Митрохин, «Справедливой России» и ЛДПР — лидеры этих партий депутаты Госдумы Н. Левичев и В. Жириновский. Показательна первая тройка «Единой России»: мэр Ю. Лужков, его заместитель Л. Шевцова и председатель МГД В. Платонов — при таком составе логично было ждать ударного применения всех ресурсов.

Так и вышло. Оппозиционные кандидаты-одномандатники зарегистрированы не были — им не зачили собранные подписи. Власти провели целенаправленную работу по снижению явки. Всем участникам, кроме представляющих «Единую Россию», чинились всевозможные препятствия — недопуск в официальные СМИ, «утеря» агитационных материалов и билбордов и т. п., что вызывало многочисленные скандалы. Множеством нарушений и фальсификаций ознаменовался и сам день голосования.

В результате «Единая Россия» получила на 12 % больше, чем на думских выборах 2007 г. (66,25%), что противоречило как господствующим электоральным тенденциям, так и логике вообще. Кроме ЕР преодолеть заградительный барьер смогла только КПРФ (13,3 %). «Число кандидатов от власти, победивших в одномандатных округах, достигло абсолютного максимума: 17 из 17. Из 35 депутатов Мосгордумы оппозицию представляли только три представителя КПРФ» [Кынев 2014: 681]¹. Протесты думских фракций КПРФ, ЛДПР и СР, которые 14 октября предприняли демарш — покинули зал заседаний Госдумы, ситуацию не изменили, но, судя по всему, не остались незамеченными избирателями.

В течение последующих двух лет росла уличная активность — как гражданская, так и политическая. «Граждане все чаще протестовали против уплотнительной застройки, сноса памятников архитектуры, вырубки парков и садов» [Michaleva 2012]. «Возникали специализированные гражданские группы — по защите автомобилистов (Федерация автовладельцев России, „Общество синих ведерок“), сохранению памятников архитектуры („Архнадзор“) и др. Радикализировались и регулярно проводили уличные акции неформальные политические партии» [Михалева 2012: 74–95]. В этом отношении показательны несанкционированные протесты в защиту ст. 31 Конституции РФ, которые каждое 31 число организовывали сторонники Э. Лимонова («Другая Россия») и которые каждый раз заканчивались задержаниями участников. Между активистами гражданского и политического протеста постепенно налаживались связи, в том числе через интернет.

¹ Одним из казусов этих выборов был результат на участке, где вместе с семьей голосовал С. Митрохин: во вскрытой урне не было обнаружено ни одного голоса, отданного за «Яблоко».

После отставки в октябре 2010 г. Ю. Лужкова и назначения на его место «варяга» С. Собянина, политическая машина бывшего мэра начала расшатываться. Собянин, которому «пришлось заново отстраивать властную вертикаль» [Иванов, Бекбулатова 2014: 4], мог опираться на поддержку президента Д. Медведева и, что важнее, премьер-министра В. Путина, однако отлаживание собственной машины оказалось сложной задачей.

Выборы как катализатор массовых протестов

В период перед думскими выборами 2011 г. рейтинг президента и власти в целом падал, недовольство москвичей росло. «Оно дало о себе знать незадолго до выборов — 5-тысячным митингом в защиту Химкинского леса» [Gabovich 2013, Михалева 2014: 94–106]. Активисты низовых гражданских групп готовы были участвовать и в электоральном процессе. В предыдущих избирательных циклах наблюдением на выборах занимались только партии, оплачивавшие работу своих наблюдателей, и профильные НКО, в первую очередь «Голос». Накануне выборов 2011 г. число волонтеров, желающих работать наблюдателями, достигло нескольких десятков тысяч. Появились и новые организации — «Росвыборы», «Гражданин наблюдатель», «Сонар» и др. Некоторые из них объединили усилия с партиями-конкурентами ЕР, прежде всего с «Яблоком», КПРФ и «Справедливой Россией». Значительная часть наблюдателей прошла обучение и получила мандаты наблюдателей либо от партии, либо от какого-нибудь СМИ. Одно только «Яблоко» выдало удостоверения более чем 3 тысячам наблюдателей.

Толчком для взрыва общественного возмущения послужило публично высказанное решение В. Путина и Д. Медведева поменяться местами в «тандеме» (24 сентября 2011 г.), т. е. электорату еще до выборов дали понять: его мнение значения не имеет.

Итоги думской кампании в Москве не слишком отличались от общефедеральных, за исключением результата «Яблока» — 8,84 % голосов (по стране — 3,43 %). В ряде округов итоги голосования оказались совершенно неправдоподобными. Так, в Гагаринском округе «Яблоко» получило 20,73 % голосов, тогда как в центре города, на Арбате, в районе, настроенном к власти ничуть не менее критически, — всего 1,8 %. Аналогичные перепады были зафиксированы и на многих соседних, даже располагавшихся в помещении одной школы, участках. «На участках с КОИБаами и без них разница в результатах, полученных КПРФ и „Яблоком“, иногда составляла до 60 % и более» [Киреев 2014]. «Единой России» приписывали «как „ничейные“ голоса, так и отданные за другие партии» [Наш 2011]. Впервые большое количество людей собственными глазами увидели, как фальсифицируются результаты голосования с помощью «каруселей», вбросов, переписывания протоколов в ТИК и т. п.

Нарушения на выборах породили самое массовое с конца 1980-х гг. движение протеста. По данным социологических служб, состав его участников был весьма пестрым, но особенно выделялись благополучные, образованные молодые люди, позже названные «рассерженными горожанами». Большинство из них до того не принимали участия ни в протестных акциях, ни в работе партий и НКО.

У протестов не было единого политического вектора — участие в них «помимо „рассерженных горожан“ принимали самые разные силы: демократические („Яблоко“, ПАРНАС, „Солидарность“), леворадикальные (Левый фронт, Антифа), националисты» [Альперович, Верховский, Юдина 2012: 21–24], правозащитные и экологические НКО, ЛГБТ-сообщество и пр. Зарегистрированные партии, за исключением «Яблока», в этих акциях не участвовали. Присутствие в оргкомитетах последних ряда депутатов-«справороссов» (Г. и Д. Гудковы, И. Пономарев) ситуации не меняло.

В числе организаторов акций были в том числе те, кто ранее призывал к бойкоту выборов (например, А. Рыклин и С. Удальцов). Оргкомитет, транслировавший свои заседания в интернете, большей частью состоял из журналистов и писателей, профессиональных политиков там было немного. Характерно, что ведущая роль в ОК принадлежала тем, кто либо выступал с самых радикальных позиций (С. Удальцов), либо пользовался максимальной популярностью в интернете (В. Рыжков, Е. Чирикова).

Результаты президентских выборов 2012 г. в Москве уже сильно отличались от средних показателей по стране.

Таблица 1.

Результаты выборов Президента РФ (2012)

Кандидат	По России (%)	В Москве (%)
Путин В.В.	63,60	46,95
Зюганов Г.А.	17,18	19,18
Миронов С.М.	3,85	5,05
Прохоров М.Д.	7,98	20,45
Жириновский В.В.	6,22	6,3

На выборах не был зарегистрирован Г. Явлинский, вместе с «Яблоком» участвовавший в протестных акциях, однако удостоверение кандидата в президенты не без помощи ЦИК получил олигарх М. Прохоров, «реанимированный» после неудачного старта с «Правым делом». Именно ему отошли все протестные голоса. К тому же еще не угасшая активность наблюдателей способствовала снижению в Москве уровня фальсификаций.

Это позитивно отразилось и на проходивших одновременно с президентскими муниципальными выборами, в которых участвовала часть активистов, ранее бывших наблюдателями. До этого число муниципальных депутатов, не связанных с властью, не превышало 5–10 %. «В 2012 г. таких кандидатов было в два раза больше, чем в 2008-м» [Ивахник 2012], и от четверти до трети из них получили депутатские мандаты. Интересно, что в качестве независимых кандидатов баллотировались также представители «Единой России». В ряде муниципалитетов были сформированы оппозиционные фракции, пользовавшиеся поддержкой гражданских активистов. Это позволило решить ряд проблем, ранее казавшихся нерешаемыми².

Московская политика при Собянине: политическая машина нового типа

Столкнувшись с новыми вызовами, С. Собянин вынужден был поменять «начинку» московской политической машины, что отчетливо проявилось на выборах мэра столицы 2013 г. «Программой-максимум» этих выборов была победа Собянина в первом туре при сохранении видимости конкуренции — власть по-прежнему опасалась всплеска протестной активности. Выборы были досрочными, Собянин позиционировал себя как хозяйственник, а москвичи еще не разобрались, какую политику он намерен проводить. При этом мэрия была отчасти готова прислушаться к гражданам: проводила общественные слушания, создавала советы с участием гражданских активистов (в частности, в результате работы совета при Департаменте природопользования и охраны окружающей среды г. Москвы было приостановлено несколько строительных проектов, демонтированы незаконные постройки на особо охраняемых природных территориях и т. п.) [Экология 2014].

² Например, власти отказались от реконструкции Ленинского проспекта, строительства ряда объектов, вырубки зеленых насаждений во многих городских районах.

Тем временем характер протестного движения во многом изменился. Действия как властей, так и организаторов акций нередко можно было назвать провокационными. Со стороны организаторов (особенно С. Удальцова) все чаще стали звучать требования, например, «двинуться на Кремль», а власти начиная с марта 2012 г. все чаще задерживали участников акций. Конфликт достиг пика 6 мая: началось все с «сидячей забастовки» участников шествия, протестовавших против ограничения прохода на Болотную площадь, а закончилось столкновениями с полицией, избиениями и возбуждением уголовных дел.

В качестве реакции на репрессии возникли новые формы протеста: «гуляния» писателей и художников по бульварам, лагеря протеста («ОккупайАбай», «ОккупайБаррикадную», «ОккупайОкуджаву»), «опросы» (Екатеринбург, июль 2012 г.), чтение стихов у памятников и пр. Массовостью отличались «Социальный марш» 12 июня 2012 г. и осенний марш против «антисиротского» закона («закона Димы Яковлева»). Однако протест базировался исключительно на неприятии существующей власти. Ответы на вопросы, какой должна быть новая власть и что нужно делать, чтобы сменить старую, расходились коренным образом. Избранный осенью 2012 г. (в том числе с помощью социальных сетей) Координационный совет оппозиции уже к лету 2013 г. продемонстрировал полную недееспособность.

Парадокс этой избирательной кампании заключался в том, что власть была заинтересована в привлечении не связанных с нею кандидатов, которые своим участием легитимизировали бы выборы в глазах активных москвичей. Прежде всего, нужно было обеспечить таким кандидатам подписи 110 муниципальных депутатов (6 % от общего числа). Собственными силами это могли сделать только КПРФ и «Справедливая Россия» (у них было соответственно 204 и 125 депутатов). Всем остальным помогла близкая к мэрии Ассоциация муниципальных образований Москвы, обеспечившая недостающими подписями С. Митрохина («Яблоко»), М. Дегтярева (ЛДПР), Н. Левичева (СР) и выдвинувшегося от РПР-ПАРНАС А. Навального³. Сам Собянин предпочел пойти на выборы не от «Единой России», а в качестве самовыдвиженца, представив подписи избирателей.

Мэрия сделала все что могла, чтобы выборы воспринимались как честные: на каждом участке были установлены камеры наблюдения (изображение выводилось на мониторы), повсюду были наблюдатели, СМИ имели возможность транслировать в прямом эфире ход голосования и подсчет голосов. Координировал процесс наблюдения за выборами главный редактор «Эха Москвы» А. Венедиктов, задействовавший возможности своей радиостанции. При этом электоральная машина мэрии работала явно не на полную мощность.

Безусловной звездой выборов стал герой «рассерженных горожан» А. Навальный. В ходе кампании он использовал новые технологии (т.н. агитационные кубы, социальные сети, группы волонтеров), отказался от националистических лозунгов⁴ и прибегал в основном к оппозиционно-популистской риторике. Динамичная, современная кампания, имидж мученика и большой объем финансовых ресурсов, собранных в том числе с помощью «электронных кошельков», вывели А. Навального в лидеры оппозиционного голосования. Протестный электорат был отобилизован. При низкой явке (32 %) Собянин с большим трудом (в том числе за счет Новой Москвы) набрал 51,37 %. Результат Навального стал сенсацией — 27,24 %; по всей видимости, ему достались голоса тех, кто ранее не голосовал или традиционно голосовал за либеральные и демократические партии. И. Мельников, судя по всему, был поддержан традиционным электоратом КПРФ (10,69 %). С. Митрохин («Яблоко») полу-

³ А. Навальный был осужден 18 июля на пять лет по делу «Кировлеса» и взят под стражу в зале суда, но в тот же день отпущен до обжалования приговора и получил право участвовать в выборах. Позже срок был заменен ему на условный

⁴ А. Навальный был участником и организатором ряда «Русских маршей», а также основателем умеренно-националистического движения «Народ» (2007).

чил 3,5 %. Н. Левичев (СР) и М. Дегтярев (ЛДПР) набрали всего 2,79 и 2,86 % соответственно.

Эти результаты стали тревожным звонком для Собянина. Они свидетельствовали о реальной возможности получить на предстоящих в 2013 г. выборах оппозиционную Мосгордуму. На помощь мэру пришла Госдума, «подморозившая» партийную реформу и вновь «перформатировавшая» избирательное законодательство (см. разд. 1). Москве и Санкт-Петербургу было предоставлено право проводить выборы в региональные собрания исключительно по мажоритарной системе. Москва воспользовалась этим правом, полностью отказавшись от пропорциональной системы. При этом число депутатских мест в Мосгордуме было увеличено лишь до 45 (нижняя планка для регионов с населением более 2 млн человек). Право выдвигать кандидатов на выборах в МГД без сбора подписей получили парламентские партии и «Яблоко», набравшее на предыдущих выборах более 3% голосов. Минимальное количество подписей, которые должны были собрать самовыдвиженцы, было увеличено с 1 до 3 % от числа избирателей округа (4,5–5 тыс.). Эти изменения были дополнены перенарезкой округов, нарушавшей границы районов, что снижало шансы муниципальных депутатов, баллотирующихся в МГД.

Чтобы уменьшить стоимость мандата и привлечь лояльных власти людей (артистов, главврачей, директоров школ, руководителей крупных фирм), располагающих ресурсами, но не намеренных становиться профессиональными политиками), основную часть депутатов городского парламента было решено перевести на непрофессиональную основу (с возможностью участвовать в заседаниях МГД только раз в месяц).

Еще один трюк властей заключался в проведении т.н. праймериз, выборов «кандидатов в кандидаты», чьим организатором выступила коалиция «Моя Москва», созданная рядом известных представителей власти, общественных деятелей и журналистов (Л. Рошаль, Л. Швецова, К. Ремчуков и др.). Участники праймериз (1053 человека, в т. ч. 24 действующих депутата МГД и представители лояльных власти групп, нуждающихся в раскрутке), получили возможность досрочной агитации, а победителям был обещан статус «народного кандидата». Оппозиция, за некоторыми исключениями⁵, проигнорировала это абсурдное и вредное, с ее точки зрения, мероприятие. Эксперты квалифицировали праймериз как новую форму «списка мэра» [Кому 2014], хотя горадминистрация свою причастность к этой затее всячески отрицала.

Несмотря на все призывы и административное принуждение, на «праймериз» зарегистрировалось около 320 тыс. избирателей, а пришло всего 258 тыс. (чуть больше 3 %). Победителями стали 17 из участвовавших в них депутатов МГД. «Среди заметных персонажей, шедших не от „Единой России“, были, в частности, И. Свиридов (СР), Л. Ярмольник („Гражданская платформа“), А. Закондырин (Альянс зеленых). Часть победителей (в т. ч. А. Закондырин) впоследствии не стали баллотироваться. В целом мероприятие, на которое было потрачено 50 млн руб.» [Собянинцам 2014], трудно признать успешным: его мобилизационный потенциал оказался низким, а часть послушного электората (пенсионеры) посчитала предварительное голосование настоящими выборами.

В ходе подготовки к выборам несистемная оппозиция создала коалицию «За Москву!», в которую вошли представители незарегистрированных партий и известные «протестанты» (М. Гайдар, О. Романова и др.). Первоначально предполагалось, что они объединятся на базе «программы Навального», однако тот не выказал заинтересованности в сотрудничестве. После переговоров с «Яблоком» часть членов коалиции вошла в списки партии, часть предпочла баллотироваться в качестве самовыдвиженцев и начала собирать подписи. Избиратель-

⁵ Дочь Е. Гайдара Мария участвовала в этих «предвыборах», чтобы, по ее собственным словам, «посмотреть на процедуру изнутри».

ные комиссии отсеяли всех «несистемщиков», за исключением бывшего члена Координационного совета оппозиции муниципального депутата МО Щукино М. Каца, который с 2013 г. взаимодействовал с властями в рамках городских проектов. Таким образом, идеологически мотивированные политики «вымывались из списков» [Доклад 2014].

Сбор подписей, на который было отведено всего 20 дней, оказался трудноосуществимым даже для поддержанных властью кандидатов. По оценке Г. Мельконьянца («Голос»), «из собиравших подписи кандидатов смогли зарегистрироваться лишь 58 %» [Интервью 2014].

Всего на выборах было зарегистрировано 273 кандидата, в том числе 49 самовыдвиженцев.

Избирательная кампания проходила на фоне «патриотического» подъема, вызванного присоединением Крыма: лозунг «Крымнаш#» был визитной карточкой всех думских партий и их кандидатов. Напротив, кандидаты от «Яблока» (в 44 округах), около четверти из которых представляли либеральную часть несистемной оппозиции⁶, перед выдвижением подписали меморандум, содержащий такие требования, как смена режима, отделение бизнеса от власти, европейский вектор развития страны, отказ от национализма, признание присоединения Крыма аннексией. Независимые кандидаты сосредоточили внимание в основном на городских проблемах (зеленые насаждения, благоустройство, транспорт и пр.)

В ходе кампании не связанные с властью кандидаты сталкивались с привычными препятствиями: их стикеры срывались, газеты вытаскивались из почтовых ящиков, площади для наружной агитации не предоставлялись, СМИ отказывались размещать их агитацию даже за деньги и т. п. Вместе с тем власти выделили всем кандидатам бесплатное время для дебатов на телевидении и радио.

В день голосования оппозиция, как и на выборах мэра, обеспечила наблюдение на избирательных участках, так что откровенных фальсификаций зафиксировано не было.

Явка оказалась рекордно низкой — 21,04 %. Значимых изменений в составе МГД не произошло: 28 мандатов досталось кандидатам от «Единой России», 10 — «независимым» самовыдвиженцам, 5 — представителям КПРФ, по одному — кандидатам от ЛДПР и «Родины». Либералы и участники протестного движения представительства не получили. При этом среднее число голосов, полученных кандидатами от «Яблока», составило 12,5 %, пять из них набрали более 20 % — достаточно высокий результат, если учитывать открытое несогласие с властью по «украинскому вопросу».

Нет сомнений, что новым московским властям придется труднее, чем их предшественникам: наличие множества гражданских активистов, имеющих опыт протестной деятельности, высокая концентрация оппозиционных лидеров и независимых СМИ (независимых в той степени, в какой это сегодня возможно), вынуждают мэра и его окружение к большей гибкости, чем во времена Лужкова.

Главная задача — обеспечение видимости честных выборов при заранее известных результатах — пока выполняется успешно. Вместе с тем властям приходится терпеть существование пусть и слабой, но решительной оппозиции — при сохранении риска повторения протестов на фоне экономического кризиса.

Альперович В., Верховский А., Юдина Н. 2012. *Между Манежной и Болотной: ксено-*

⁶ От «Яблока» были выдвинуты представители «Демвыбора», Партии 5 декабря, «Солидарности», а также гражданские активисты.

фобия и радикальный национализм и противодействие им в 2011 году в России. — М.Ж «Сова», февраль.

Бузин А. *Драматичная история московских выборов.* — Доступно: <http://abuzin.livejournal.com/135380.html>. — Проверено: 10.12.2018.

Гельман В., Бри М. 2000. *Россия регионов.* — М.: Весь мир.

Гельман В. 2012. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России. — *Полития.* — № 4. — С. 2.

Доклад КГИ... 2014. Доклад КГИ. — *Коммерсант.* — 04.08.

Зубаревич Н.В. 2010. *Регионы России: неравенство, кризис, модернизация.* — М.: Независимый институт социальной политики.

Зубаревич Н. 2012. Рента столичного статуса. — *Pro et Contra.* — № 6.

Зубаревич Н. 2013. Неравенство доходов населения: пространственная проекция. — *Pro et Contra.* — № 6.

Иванов М., Бекбулатова Т. 2014. Москва не сразу построилась. — *Коммерсант.* — 20.10.

Ивахник А. 2012. *Политика идет на низовой уровень.* — 21.03. — Доступно: <http://politcom.ru/13512.html>. — Проверено: 10.12.2018.

Интервью с Г. Мелькольянцем... 2014. Интервью с Г. Мелькольянцем. — *Коммерсант.* — 23.07.

Киреев А. *Карты результатов выборов в Москве.* — Доступно: <http://kireev.livejournal.com/710951.html>. — Проверено: 10.12.2018.

Кому нужны праймериз... 2014. Кому нужны праймериз перед выборами в Мосгордуму. — *Коммерсант.* — 19.05.

Кынев А. 2014. *Выборы региональных парламентов в России 2009–2013. От партизации к персонализации.* — М.: Панорама.

Любарев А.Е. *Выборы в Москве. Опыт 12 лет. 1989–2000.* — Доступно: <http://lyubarev.narod.ru/elect/book/ch17.html>. — Проверено: 10.12.2018.

Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. 2012. Московская агломерация и «Новая Москва». — *Pro et Contra.* — № 6.

Михалева Г.М. 2012. Партии и гражданское общество. Алгоритмы взаимодействия. — *Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра.* — М.: КМК.

Михалева Г. 2014. Экстрасоциальные феномены российской политики: неформальные партии и гражданские инициативы. — *Вестник РГГУ.* — № 1.

Наш дурдом голосует «за»... 2011. Наш дурдом голосует «за». — *Ведомости.* — 6.12.

Ревин Г., Тарновецкая Р., Чубукова М. 2014. Из чего состоит Москва. — *Ведомости.* — 4.06.

Собянинцам сделали рекламу... 2014. Собянинцам сделали рекламу. — *Профиль.* — 8.06.

Туровский Р.Ф. 2006. Политическая регионалистика. — М.: ГУ–ВШЭ.

Экология, политика и гражданское общество... 2014. *Экология, политика и гражданское общество / Под ред. Г.М. Михалевой и др.* — М.

Gabowitsch M. 2013. *Putinkaputt?* — Berlin: Suhrkamp.

Michaleva G. 2011. Das politische Potential der Zivilgesellschaft in Russland während der Präsidentschaft von Wladimir Putin und Dmitri Medwedew. — *Центр исследований Восточной Европы.* — Nr. 116. — November.